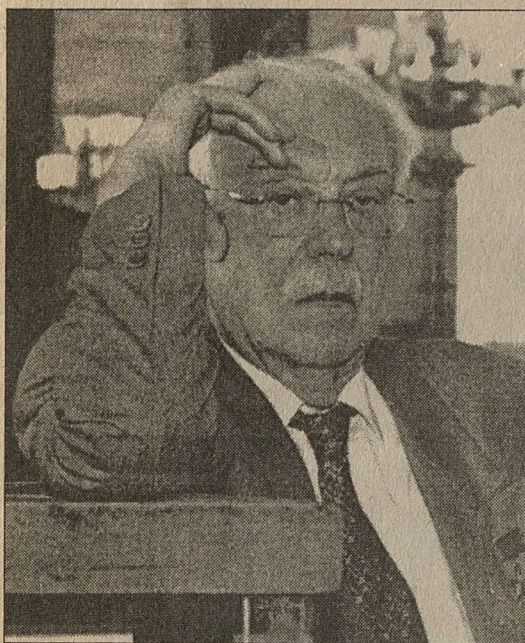

Гимн СССР родился первый раз в 1943 году

СОАВТОР

Независимая газета,
- 2000, - 9 дек. - с. 7

«В лице тов. Сталина мы встретили чуткого и внимательного редактора...»

Товарищ Сталин и товарищ Михалков дружно и согласованно работали над текстом Гимна СССР.

«ЭТО БЫЛО 26 октября 1943 года. В этот день в 10 часов вечера состоялось очередное прослушивание музыки, написанной композиторами для нового Государственного Гимна Советского Союза. Войдя в Бетховенский зал Большого театра, мы увидели руководителей партии и правительства во главе с товарищем И.В. Сталиным. Товарищ Сталин сидел в одном из рядов небольшого зала и внимательно слушал варианты Гимна в исполнении Краснознаменного Ансамбля Красноармейской песни под управлением проф. А.В. Александрова. Около 12 часов ночи прослушивание окончилось. И.В. Сталин встал и обратился к присутствующим композиторам:

— Хоровое исполнение не дает полного представления о музыке. Мне кажется, что для правильной оценки представленных музыкальных произведений необходимо прослушать их еще раз в исполнении симфонического и духового оркестра. Как вы думаете? — спросил он.

Это предложение встретило единодушное одобрение. Назначив сроки следующего прослушивания, руководители партии и правительства покинули зал.

Было за полночь. Мы сидели дома, делясь впечатлениями о минувшем вечере.

Нам не раз приходилось видеть Иосифа Виссарионовича Сталина во время парадов на Красной площади, на торжественных заседаниях, слышать его выступления. Но впервые мы видели его так близко и при таких обстоятельствах. И многое в этой встрече нас волновало и казалось нам необычным. Как раз в эти дни в Москве проходила конференция трех великих держав; на фронте разворачивались ожесточенные сражения; народное хозяйство страны прилагало героические усилия для выполнения требования напряженного военного времени. И нас взволновало, что в такое время Вождем партии, Главой Советского Правительства, Верховным Главнокомандующим, на плечах которого лежат огромные государственные заботы, уделял столько внимания нашей работе.

Раздался неожиданный телефонный звонок.

— Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.

Несколько секунд ожидания, и в трубке раздается голос, который знают миллионы.

— Здравствуйте. Прослушали мы сегодня Гимн. Купю получается, — говорит товарищ Сталин. — Мало слов... Ничего не сказано о Красной Армии. Надо написать третий куплет, посвятив его Красной Армии...

Товарищ Сталин с большой теплотой говорит о Красной Армии. Разъясняет нам значение той героической борьбы, которую ведет она, защищая честь, свободу и независимость нашей родины. Разговор длится несколько минут. Высказывания товарища Сталина предельно ясны и конкретны.

Мы немедленно садимся за работу.

Еще за пять недель до этого, работая над текстом нового Гимна Советского Союза, мы получали чрезвычайно ценные советы и указания со стороны руководителей партии и правительства. В лице товарища Сталина мы нашли строгого, но справедливого критика, добивавшегося того, чтобы текст Гимна был понятен для всех — от академика до колхозника. Отмечая исключительную роль В.И. Ленина в создании Советского государства, товарищ Сталин своей рукой вписал в предложенный нами текст после имени Ленина эпитет «великий». И строфа обрела новое звучание:

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.

После телефонного разговора с товарищем Сталиным, проработав два дня, мы написали третью строфу Гимна, посвященную Красной Армии. Вскоре нам сообщили, что товарищ Сталин назначил нам прием.

Мы в Кремле. Естественно, очень волнуемся. Поднимаемся по лестнице. Идем по полукруглому коридору. Входим в приемную.

Первое, что нам бросается в глаза в секретариате И.В. Сталина, — это простая и спокойная, деловая атмосфера.

— Товарищ Сталин ждет вас.

Волнуясь, мы входим в просторный кабинет, освещенный мягким сиянием люстры. Слева у стены длинный стол для совещаний. Справа, вдаль, письменный стол, и позади него столик с разноцветными телефонами. Прямо против нас с листком бумаги в руках стоит товарищ Сталин. За длинным столом сидят товарищи Молотов, Ворошилов, Берия, Маленков, Шербаков.

Товарищ Сталин протягивает нам напечатанный на машинке текст Гимна. Написанная накануне третья строфа о Красной Армии содержит пометки.

— Ознакомьтесь, — говорит товарищ Сталин. — Надо над ней еще поработать.

Строфа о Красной Армии не совсем удалась нам. Необходимы некоторые уточнения и исправления. О них идет разговор. И с первых слов этого разговора наше волнение само собой рассеивается.

В лице товарища Сталина мы встречаем чуткого и внимательного редактора. Бережно относясь к творческой мысли писателя, он не ограничивается одной лишь критикой, как это любят делать многие. Указывая на то, что плохо и что хорошо, он приводит настолько убедительные доводы, что с ними трудно не согласиться. Внося свои предложения, товарищ Сталин внимательно выслушивает возражения собеседника и тщательно взвешивает их, не упуская из виду незаметных на первый взгляд тончайших деталей и оттенков мысли.

— Садитесь, поработайте. Вот карандаши, бумага, — приглашает нас к столу товарищ Сталин, после того как строфа подверглась обсуждению.

Мы садимся. Но необычная обстановка смущает нас. Это тотчас замечает товарищ Сталин.

— Что, неудобно здесь работать? — спрашивает он, улыбаясь. — Сейчас вам дадут другое место.

Мы сидим, работаем в одной из прилегающих к кабинету комнат. Стены здесь уставлены шкафами с книгами. На столе — чистая бумага, хорошо отточенные карандаши. Полная тишина...

Спустя некоторое время вновь возвращаемся в кабинет товарища Сталина. Результаты нашей работы подвергаются новому обсуждению.

— Вы слишком часто прибегаете к предлогу «и», — говорит он, просматривая написанное. — Для стихов это плохо... Вы знаете, когда поэт злоупотребляет этим предлогом?.. Тогда, когда он не может связать строку со строкой!

Великолепно зная литературу и глубоко уважая труд писателя, товарищ Сталин с чувством величайшей ответственности относится к каждому печатному слову. Сам предельно четко и ясно выражая свои мысли, он требует того же от других.

Мы не нашли эпитета, который мог бы с достаточной полнотой и яркостью заклеймить захватчиков — врагов нашей

родины. Товарищ Сталин ходил по кабинету, обдумывая эту строку, и предложил:

— «Захватчиков подлых»...

Как вы думаете?

Это было то, что мы искали, работая в соседней комнате. Третью строфу Гимна мы предлагали закончить так:

Мы в битвах решаем судьбу поколений,

Мы к славе Отечество наше ведем.

Товарищ Сталин несколько раз вслух повторил эти строки, взвешивая каждое слово.

— «Ведем... Ведем...» Нет, это не то слово! — решительно произнес он. — Нужно: «Поведем»...

Предлагая эту поправку, товарищ Сталин выдвинул бесспорный довод, что она придаст большую динамику строфе. И действительно, в строках:

Мы в битвах решаем судьбу поколений,

Мы к славе Отчизну свою поведем!

дается движение вперед, взгляд в будущее, чего в нашем варианте строфы не было.

В последующих встречах с товарищем Сталиным нам неоднократно приходилось убеждаться в его необычайно тонком и высоком художественном вкусе, отвергающем малейшую натяжку и фальшь.

Написанный нами припев в первоначальном варианте выглядел так:

Зная советское, зная народное

Нас от победы к победе ведет!

При обсуждении этих строк товарищ Сталин внес предложение слово «Нас» заменить словом: «Пусть».

На первый взгляд могло бы показаться, что это незначительная поправка. Так вначале показалось и нам. Но товарищ Сталин разъяснил, что в нашей редакции строки эти звучат как утверждение, в котором содержится даже нотки хвастовства. В то время как замена слова «Нас» словом «Пусть» придаст строфе иное звучание.

И в самом деле. Вдумайтесь в строки:

Зная советское, зная народное

Пусть от победы к победе ведем!

После поправки товарища Сталина они зазвучали как вдохновенный призыв к народам Советского Союза, традиционный сталинский призыв: идти вперед, к новым победам!

В одной из строк предложенного нами текста Гимна рядом с тире стояла запятая. По правилам грамматики эту запятую можно было ставить или не ставить. Строка была утверждена с обоими знаками — запятой и тире. Но через день нам позвонили по телефону и спросили, нет ли возражений против того, чтобы снять запятую, которая, стоя рядом с тире, усложняет строку. Таков сталинский стиль редактирования!

Встречи с товарищем Сталиным никогда не изглаживаются из нашей памяти и навсегда останутся в наших сердцах.

Товарищ Сталин немногословен. И нам кажется, что он больше любит слушать, чем говорить сам. Слушая собеседника, товарищ Сталин в то же время изучает его. Чувствуется, что он не терпит верхоглядства.

Со свойственным ему юмором, нередко прибегая к народным пословицам и образам любимых писателей, товарищ Сталин подает собеседнику реплики, метко и остроумно подчеркивая отдельные места беседы.

Сергей Михалков,
Г. Эль-Регистан.

От «НГ»

Машинопись этого текста сохранилась в архиве одного известного московского переводчика американской и европейской поэзии.